

УДК 008(091)

Гуань Линьли

<https://orcid.org/0000-0002-9329-7821>

**Трагические мотивы военной литературы в интерпретации
Василя Быкова и Ю Фэнвэй – памяти 75-летия Победы
в Великой Отечественной и Японо-китайской войнах**

Для цитирования: Гуань Линьли Трагические мотивы военной литературы в интерпретации Василя Быкова и Ю Фэнвэй – памяти 75-летия Победы в Великой Отечественной и Японо-китайской войнах // Мир русскоговорящих стран. 2020. № 2 (4). С. 87-96. DOI 10.20323/2658-7866-2020-2-4-87-96

Статья раскрывает трагические события Великой Отечественной войны и антияпонской войны в Китае на примере произведений В. Быкова «Сотников», «В тумане» и Ю Фэнвэй «Жизненный путь». При этом отмечается, что активное внимание к трагическому в науке и изображение героев и ситуаций в искусстве в трагическом аспекте не всегда совпадало со временем, изображенным в тех или иных текстах. В статье рассматривается поведение героев в экстремальных ситуациях, когда встает вопрос о жизни и смерти, о выборе своих действий, о верности долгу и нравственности или возможности предательства и герои совершают сложный экзистенциальный выбор. Автор статьи приходит к выводу о типологическом сходстве поведения и нравственного состояния героев В. Быкова и Ю Фэнвэй, доказывая, что они относятся к числу традиционных героев трагического плана, которые мучились от сознания вины и ответственности перед лицом других людей и истории. Основное внимание автор акцентирует на том, что трагическое мироощущение или трагическая тональность присущи русской литературе в разные эпохи ее существования и эти произведения оказывают важное влияние на интерпретацию военной темы в китайской литературе, поэтому осмысление сущности трагического и теоретическое осмысление данной категории в милитарном литературном дискурсе является перспективным направлением для требуют филологических, социологических и философских исследований.

Ключевые слова: трагическое, трагические герои, трагические ситуации, В. Быков, Ю Фэнвэй, военная литература.

Guan Linli

**Tragic motives of military literature as interpreted by Vasil Bykov
and You Feng Wei – to the memory of the 75th anniversary
of Victory in the Great Patriotic War and the Sino-Japanese wars**

The article reveals the tragic events of Great Patriotic War and Sino-Japanese war in China on the example of V. Bykov 's books "Sotnikov" and "In the mist" and You Feng

© Гуань Линьли, 2020

Wei's "Life path". It is highlighted that an active attention to tragic in science and the depiction of heroes in the art situation in a tragic aspect did not always coincide with the time shown in the texts. The article speaks about the heroes' behavior in the extreme situations, when there is the question of life and death, about the choice of one's actions, devotion to the duty and morality and a possibility of betrayal and the heroes are making a different existential choice. The author of the article makes a conclusion about typological similarity of behavior and moral state of the heroes of V. Bykov and You Feng Wei proving that they are the traditional heroes of the tragic position. They suffered from fault and responsibility in face of other people and history. The main attention is paid to the fact that tragic attitude and tragic tonality are typical for the Russian literature in different epochs of its existence, and these works influence greatly on the war theme interpretation in the Chinese literature. That's why the comprehension of the essence of tragic and theoretical comprehension of this category in the military literary discourse is a perspective direction which needs philological, sociological and philosophical researches.

Key words: tragic, tragic heroes, tragic situations, V. Bykov, You Feng Wei, military literature.

Антифашистская война породила неисчислимо количество трагических судеб, приведших к гибели миллионов людей, которые умирали от пуль и снарядов на поле боя, от голода и холода во время блокады и оккупации их родных мест, в многочисленных лагерях смерти на территории Европы и Китая. Эта война стала одним из тех исключительных испытаний, которые потрясают все уровни народного бытия и оставляют след навсегда. Эти годы «снабдили» литературу таким количеством материала указанной тональности, что не заметить ее невозможно. По словам П. Топера, «Литература о войнах – царство трагического» [Топер, 2000, с. 23]. «Жизнь в предельном напряжении, нравственном и физическом, беспрестанные лишения, постоянная угроза смерти и сама смерть – неотвратимая, слепая, многоликая,

неисчислимы разрушения, опасность, нависшая над родными и близкими, над привычными жизненными устоями, над самим существованием народным, – атмосфера современной машинной войны, которая ведется не просто армиями, не просто государствами, а народами» [Топер, 1975, с. 89]. Трагизм Великой Отечественной войны и борьбы против японской агрессии в Китае входил в народную жизнь на протяжении определенного времени и не ушел из памяти до сих пор.

При этом нельзя забывать, что в этот период героическая линия занимает одну из ведущих позиций в жизни и литературе о Великой Отечественной войне. С точки зрения Топера, она рождалась «не из потребительского отношения к жизни, а из понимания неисчерпаемых возможностей человека преодолевать непреодолимые трудности и

свершать поражающие воображение подвиги во имя великой цели, в том числе и ценой своей жизни» [Топер, 2000, с. 23]. Хотя в годы войны творческие возможности искусства были сильно ограничены цензурой, нота «сострадания и ужаса» вне непосредственной героизации подвига не всегда легко пробивалась в литературу. После окончания войны истинная «цена победы» оставалась запретной темой и проникала в искусство через множество препон. Однако в начале 60-х годов многие писатели-фронтовики, такие как К. Симонов, недавно ушедший из жизни Юрий Бондарев, Григорий Бакланов, Алесь Адамович, Виктор Астафьев и другие вышли на литературную сцену с подчеркнuto правдивым изображением многообразных сторон военной жизни и военной проблематики.

К таким писателям принадлежал и Василь Быков, известный позже как общественный деятель, Лауреат Государственной премии СССР, чьи труды были переведены на многие языки мира. Нельзя не отметить, что на протяжении по крайней мере пятидесяти лет (40-80-е годы XX в.) советские писатели не отделялись друг от друга по национальным признакам. Соответственно Белорусская Республика не мыслилась как самостоятельное объединение, а ее территория воспринималась как западная часть СССР. Из этого исходили все художники военного и послевоенного времени. Но В. Бы-

ков, живший большей частью на территории нынешней Белоруссии, предельно глубоко знал то, что происходило в этой части страны в 1941-1945 гг. Его произведения не оценены для читателей последующих лет и для понимания сущности трагического.

Василь Быков стал писать о войне не сразу. В одной из бесед он говорил: «О войне я начал писать спустя многие годы после ее окончания. На войне и даже долго после нее не только писать, но и читать о ней не хотелось. Так тяжело было пережитое <...> Когда появилась так называемая вторая волна военной прозы, когда о войне начали писать бывшие лейтенанты, солдаты, это было настоящим откровением: так ново, пронзительно и правдиво зазвучали слова о войне. Я имею в виду книги Юрия Бондарева и Григория Бакланова Виктора Астафьева и Евгения Носова, Юрия Гончарова, Константина Воробьева и Владимира Богомолова <...> Их книги – обнаженная правда войны, почти документальная проза о ней. Именно эта проза и укрепила мое желание писать про войну» [Информационный бюллетень секретариата ... , с. 13].

Между тем эти произведения также оказывают глубокое влияние на китайскую литературу военной темы.

После основания КНР китайские писатели, погруженные в радость нового общества после антияпонской и гражданской войны, сосре-

доточиваются на великом историческом значении войны, на том, как война меняет людей, придавая человеку духовную силу, формируя идеал, мудрость и мужество героического подвига. За эти 17 лет (1949-1966) в произведениях о войне отсутствует трагическое. Главное действующее лицо является воплощением героизма. При этом герой претерпевает непреодолимые трудности и крушение своих планов «во имя, ради Государства», что ослабляет чувство трагизма. Военная литература имеет политический оттенок. В этих произведениях мы видим только радость победы, оптимизм революции, веру в политику и поклонение героям. Война против Японии и гражданская война принесли людям человеческое освобождение и национальную независимость. Однако огромные жертвы и трагедии, связанные с историей и войной, были омрачены победой национальной войны и политической борьбы. Считали, что трагедия свойственна только вражескому полюсу. Только после 1990 года военная литература ослабила политическую окраску, подчеркнув, что состояние выживания и духовное становление личности происходило в особых ситуациях, осуществился переход от славы к глубокому размышлению, резкой критике о войне. Пробуждение трагического сознания китайской военной литературы позволило нам проникнуть в глубину души китайских военных, глубоко понять горь-

кий и славный жизненный путь китайских военнослужащих.

Известно, что в период Культурной революции (60–70-е гг.), переводы и публикации русских литературных произведений в Китае почти полностью прекратились. Подобная ситуация продолжалась вплоть до начала политики реформ и открытости 1978 года, когда вновь стали активно переводиться и распространяться произведения как русской классической литературы, так и литературы XX века.

После «реформы и открытости» многие быковские произведения были переведены на китайский язык. В 1980 г. в Китае вышла книга «Рассказы Василя Быкова», в 1981 г. – «Пойти и не вернуться», в 1982 г. – «Сотников», в 1984 г. – «Журавлиный крик», «Альпийская баллада», а в 1988 г. – «Знак беды». В 1989 году в журнале «Современная зарубежная литература» Чэнь Цзинюн опубликовал статью «Три рассказа Василя Быкова» («Третья ракета», «Сотников», «Знак беды»). Эти произведения сыграли важную роль в формировании военной литературы Китая. Особенное внимание уделяется рецепции в китайской повести таких произведений В. Быкова как «Сотников» и «В тумане».

Критики самых разных умонастроений считают одним из лучших произведений писателя повесть «Сотников». Первоначальное название звучало как «Ликвидация». Однако А. Т. Твардовский

предложил назвать повесть по фамилии главного положительного героя. По словам писателя, его интересовали два нравственных момента: «что такое человек перед сокрушающей силой бесчеловечных обстоятельств? На что он способен, когда возможности отстоять свою жизнь исчерпаны им до конца и предотвратить смерть невозможно?» В повести два главных героя, два взгляда – Сотникова и Рыбак. Автору необходимо сравнить и сопоставить поведение двух героев и мотивы, которыми они руководствовались, раскрыть их отношения друг к другу и состояние души, выявить различие их представлений о войне, несовместимость их нравственных принципов и принимаемых ими решений. Для Сотникова главное – понять себя, проверить нравственную обоснованность своих поступков, а для Рыбака – найти мотивы самооправдания и освобождения от чувства ответственности.

В различных суждениях критиков, посвященных этой повести (С. Воронин, Л. Якименко, А. Адамович и др.), не часто звучало понятие «трагическое». Тем самым подтверждается мысль о том, что идея трагизма в определенной мере противоречила общей тональности русской литературы, одушевленной идеей поступательного развития советского общества и исторического оптимизма. Однако изображение ситуаций военных лет все чаще обращало внимание писате-

лей к трагическим аспектам бытия. Это относится в первую очередь к вышеперечисленным повестям В. Быкова.

Короткая жизнь Сотникова, изображенная в одноименной повести, убеждает и его самого, и читателей, сколь трагичны условия, в которые попадает человек на войне, особенно на той территории, где врагом может стать и чужой солдат, и местный житель, и даже товарищ по оружию. Сотников не боялся смерти в бою, она становилась привычной для воевавших в составе регулярных войск. Трагическое ощущение возникло тогда, когда он увидел гибель невинной девочки, матери нескольких детей и предательство близкого человека, который оказался способен помочь палачам осуществлять казнь своих же людей. При этом Сотников не мог предотвратить предательство и оказать помощь невинным людям, жителям села избежать гибели, хотя готов был взять вину на себя и своей смертью попытаться спасти их. Это становится результатом мучительных переживаний по причине гибели других людей, их беззащитности и бессилия в этой ситуации. Анализ поведения и нравственного состояния Сотникова позволяет заключить, что он относится к числу традиционных героев трагического плана, которые мучились от сознания вины, заключающейся в невозможности помочь окружающим и в кажущейся бессмысленности своей жертвы. Но все

же она не была бессмысленной, так как жители, наблюдавшие казнь, не одобряли палачей и молча поддерживали погибших товарищей.

Если на примере поведения Сотникова писатель хотел еще раз оценить подвиг, который не был единичным в те страшные годы, то на примере Рыбака предлагал осмыслить анатомию предательства. У Рыбака граница между нравственным и безнравственным не ощущалась как нечто серьезное. По словам Быкова, «он примитивный прагматик, совершенно не соотносящий цели со средствами. Война для него – простое до примитива дело, с исчерпывающей полнотой выраженное постулатом: «чья сила, того и право» и еще: «своя рубашка ближе к телу». Однако «Рыбак тоже не подлец по натуре; сложись обстоятельства иначе, возможно, проявилась бы совершенно другая сторона его характера и он предстал бы перед людьми совсем в ином свете». Надеясь перехитрить немцев, он дает следователю ряд половинчатых показаний, за что тот обещает сохранить ему жизнь и взять в полицию. Так он пытается совместить несовместимое – сохранить жизнь и не погрешить против человечности. В конце Рыбак начинает осознавать трагичность ситуации, в которую он поставил себя. Пытаясь преодолеть ее, он решает покончить с собой, но не получилось. Что будет дальше с героем? Это не ясно. Будет ли он мучиться от пони-

мания совершенной ошибки, или же будет существовать, радуясь, что остался жив? Скорее, – последнее. Не понимать значения своего предательства, результаты которого воочию видели жители села, человек не может. Так что совесть, наверное, будет тревожить его, но вряд ли чувство трагизма будет активно преследовать его. Поэтому считать такого героя трагическим было бы неосновательным.

В творчестве В. Быкова в числе повестей на военную тему есть такая, которая, с одной стороны, как бы перекликается с повестью «Сотников», с другой, – полемизирует с нею, противопоставляя Рыбаку иной тип героя, явно принадлежащий к категории «трагических». Это – повесть «В тумане», опубликованная в 1987 году. В ней идет речь о судьбе героя по имени Сущеня.

После диверсии, которую осуществили рабочие на железной дороге и были схвачены и казнены через повешение, в живых оставили одного – Сущеню с целью дискредитации его в глазах односельчан и партизан, представив предателем. В силу этого герой оказался «перед выбором» – умереть или остаться человеком в сознании окружающих. Как доказать, что он не предатель, когда в его доме появляются два партизана, посланные командиром отряда, чтобы казнить его от имени советских людей? В результате сложных перипетий, связанных с осуществлением плана казни: сначала Сущеня вместе с партиза-

нами выбирает место своей казни, затем сам роет себе могилу, пытаясь в то же время рассказать историю своего «освобождения». При этом старший из партизан, Гуров, поверил в его исповедь о невинности, но вскоре сам погиб от пули полицая, а другой, Войтик, считал, что немцы завербовали Суценью. Суценья взваливает на себя умершего Гурова, мечтая дойти вместе с Войтиком до партизанского отряда и попытаться доказать свою невинность. От случайной пули погибает и Войтик. Суценья остается в лесу, недалеко от партизанского лагеря рядом с телами Гурова и Войтика, понимая, что ему уже не оправдаться в том, что он не предатель, что он и не думал сотрудничать с немцами, что он отказался от предложения следователя Гроссмайера стать посредником между ним и партизанами. Тогда Суценья принимает решение убить себя, то есть делает то, чего не смог и не собирался сделать Рыбак, – пожертвовать собой. Этот поступок является свидетельством поведения трагического типа, следовательно, Суценья может быть назван трагическим героем.

Такие быковские трагические герои и ситуации нашли отражение в повестях на военную тему китайского писателя Ю Фэнвэй

Ю Фэнвэй – китайский писатель, вице-президент Ассоциации китайских писателей. В 1944 году он родился в Шаньдуне. Он начал литературную карьеру в 1976 году.

Написал роман: «Китай 1957», «Амурский вьюн», «Сладострастие», повести: «Обещание», «Ночной разговор Ши Мэнь», «Жизненный путь», «Жизнь» и др. рассказы: «Ворона», «Золотая речная отмель», «Бай Ляньлянь». За роман «Китай 1957» стал номинантом шестой престижной литературной премии Мао Дуня. Приз Каннского кинофестиваля и японского кинофестиваля «Каждый день» получил фильм «Враги-японцы пришли» по его повести «Жизнь». За рассказ «Бай Ляньлянь» писатель стал лауреатом второй детской литературной премии. Его творчество находило отражение в таких известных издательствах как «Современность», «Пекинская литература», «Шаньдунская литература», «Китайские писатели», «Литература эпохи» и др. Его произведения были переведены на разные языки.

Ю Фэнвэй – писатель с изменчивым стилем творчества. Он написал о войне, о реформах и борьбе, об истории и реальности. Трагическое сознание никогда не отсутствовало в его произведениях. Глубокое чувство трагедии Ю Фэнвэй проникало в творчество более 30-ти лет с изменением его взглядов и ориентиров. В 1994 году в четвертом номере журнала «Современность» была опубликована его повесть о войне «Жизненный путь». В произведении рассказывается о китайском докторе по имени Су Юань, который случайно схвачен японскими войсками и был вы-

нужден лечить вражеских солдат. Он, китаец, не может согласиться с таким «предательством» ни по нравственности, ни по национальным чувствам, хотя это было вынужденным, потому что если он этого не сделает, то его жена и невинные люди в деревне погибнут под ножом японской армии. Он случайно познакомился с японским военным врачом ГаоТянь. После общения с ним он узнал о великом плане «жизненного пути»: ГаоТянь – пустить пулю в грудь по нижнему краю сердца, чтобы сохранить целостность сердца, чтобы избежать попадания в левую грудь и другие жизненно важные органы, а затем эффективно остановить кровотечение спасенных людей и начать лечение, тем самым под дулом японской армии спасти стрелявшего китайца.

Трагическое ощущение возникло тогда, когда Су Юань, как и Сушения попал в трясину болезненного выбора: остаться – все, не знающие правды, не поймут его, он всегда будет нести на себе проклятие предательства; уйти – свои соотечественники погибнут под обстрелом японской армии, и больше нет надежды на спасение... Достоинство и жизнь, личность и государство на грани почти полного развала. Су Юань, в конце концов, в отличие от Сотникова и Сушени, которые во имя чести пожертвовали собой, совершил Рыбаковский выбор: остался в японской армии военных врачей, спас бесчисленное

множество китайцев, с помощью этого неизвестного плана тайно передал сведения противника.

Анализ поведения и нравственного состояния Су Юань позволяет заключить, что он относится к числу традиционных героев трагического плана, которые мучились от сознания вины, заключающейся в вынужденности лечить японских солдат, которые убивали и будут убивать людей. Для врачей спасение жизни – это призвание. Но перед ним стоят враги, и как он исполняет свой долг? Национальность и мораль замучили героя. Это душевное переживание продолжалось до самого последнего момента его жизни. Жена, которая не понимала правды, думала, что он продался врагу, покинула его. В конце концов, информация, которую он предоставил, помогла одержать победу в этой битве, но невыносимый, смертельный удар несло ему то, что он не смог найти солдата, который смог бы доказать непричастность к предательству. В конце он умирает от выстрелов своего народа. И после его смерти в истории этого города четко написано: предатель Су Юань был убит.

Итак, краткий анализ трёх повестей показывает, сколь многолики трагические ситуации, как много места они занимали в жизни людей в период антифашистской войны, насколько различна интерпретация этих ситуаций в сознании самих участников военных событий и писателей, сумевших воспроизвести

их в художественных произведениях. Очевидно, что трагическое мироощущение или трагическая тональность присущи русской и китайской литературе в разные эпохи ее существования и потому осмысление сущности трагического и ее теория требуют дальнейшего исследования филологами, социологами и философами.

К данному выводу можно добавить еще один, вытекающий из размышлений о том, что, начиная с датского ученого Кьеркегора, стали называть экзистенциальностью. В проанализированных и многих других произведениях В. Быкова и Ю Фэнвэй герои оказываются в экстремальных ситуациях, когда встает вопрос о жизни и смерти, о выборе своих действий, о верности долгу и нравственности или возможности предательства. В совет-

ской науке того времени не принято было пользоваться термином «экзистенциальный», но поведение таких героев свидетельствует о присутствии в их жизни именно экзистенциальной ситуации, которая ставит человека перед необходимостью принять решение, отвечающее нравственным принципам. Сотников размышляет не о спасении себя, а о спасении Демчихи и старосты Петра. Рыбак, как говорилось, думает только о своем спасении, что приведет к предательству. А так называемый предатель Су Юань спас жизнь множества китайских солдат и в конце был убит своими же. После смерти люди не узнали правду. Тяжелее всех пришлось Сушуне, но он выдержал испытание экзистенциальной ситуацией, оказавшись истинным трагическим героем.

Библиографический список

1. Быков В. Как создавалась повесть «Сотников» // Литературное обозрение. 1973. № 7. С. 101-102.
2. Быков В. Великая академия – жизнь // Вопросы литературы. 1975. № 1. С. 133.
3. Информационный бюллетень секретариата правления СП СССР, 1980. № 4. С. 13.
4. Курносков Д. Человек на войне: Творчество Василя Быкова в зарубежной критике // Литературное обозрение. 1984. № 5. С. 28.
5. Топер П. Трагическое в искусстве XX века // Вопросы литературы. 2000. № 2. С. 3-46.
6. Топер П. Цена победы: О некоторых аспектах трагического в литературе об Отечественной войне // Литература великого подвига: Великая Отечественная война в литературе. Москва : Художественная литература, 1975. вып.2. С. 89-116.
7. Топер П. Гуманистический смысл подвига и проблемы войны и мира в мировой литературе // Гуманистический пафос советской литературы. Москва, 1982. С. 118.
8. Хализев В. Е. Теория литературы. Москва, 2009. 405 с.
9. Чернец Л. В. Литературные жанры. Москва, 1982. 194 с.

10. Шагалов А. Василь Быков повести о войне. Москва, 1989. 302 с.
11. Шохин К. В. О трагическом герое и комическом персонаже. Москва, 1961. 56 с.
12. Штокман И. Г. Рост кристалла. (Василь Быков – характеры и обстоятельства) // Жизнь на миру. Москва, 1996. С. 23-43.
13. Эсалнек А. Я. Теория литературы. Москва, 2010. 250 с.
14. Эсалнек А. Я. Анализ романного текста. Москва, 2004. 182 с.
15. Shneidman N. N. Soviet Literature in the 1970-S: Artistic diversity and ideological conformity. Toronto – Buffalo – London, 1979. p. 49.

Reference List

1. Bykov V. Kak sozhdalas' povest' «Sotnikov» = How the novella “Sotnikov” was written // Literaturnoe obozrenie. 1973. № 7. S. 101-102.
2. Bykov V. Velikaja akademija – zhizn' = Great academy – life // Voprosy literatury. 1975. № 1. S. 133.
3. Informacionnyj bjulleten' sekretariata pravlenija SP SSSR = Newsletter of the Secretariat of the Board of the Joint Venture of the SSSR, 1980. №. 4. S. 13.
4. Kurnosov D. Chelovek na vojne: Tvorcestvo Vasilja Bykova v zarubezhnoj kritike = A man at war: Vasil Bykov's work in foreign critics // Literaturnoe obozrenie. 1984. №. 5. S. 28.
5. Toper P. Tragicheskoe v iskusstve XX veka = Tragic in the art of XX c. // Voprosy literatury. 2000. №. 2. S. 3-46.
6. Toper P. Cena pobedy: O nekotoryh aspektah tragicheskogo v literature ob Otechestvennoj vojne = The price of victory: About some aspects of tragic in literature about Great Patriotic War // Literatura velikogo podviga: Velikaja Otechestvennaja vojna v literature. Moskva : Hudozhestvennaja literatura, 1975. vyp.2. S. 89-116.
7. Toper P. Gumanisticheskij smysl podviga i problemy vojny i mira v mirovoj literature = Humanistic meaning of feat and problems of war and peace in the world literature // Gumanisticheskij pafos sovetskoj literatury. Moskva, 1982. S. 118.
8. Halizev V. E. Teorija literatury = The theory of literature. Moskva, 2009. 405 s.
9. Chernec L. V. Literaturnye zhanry = Literary genres. Moskva, 1982. 194 s.
10. Shagalov A. Vasil' Bykov povesti o vojne = Vasil Bykov novellas about war. Moskva, 1989. 302 s.
11. Shohin K. V. O tragicheskom geroe i komicheskom personazhe = About a tragic hero and comic personage. Moskva, 1961. 56 s.
12. Shtokman I. G. Rost kristalla. (Vasil' Bykov – haraktery i obstojatel'stva) = The growth of the crystal (Vasil Bykov – characters and circumstances) // Zhizn' na miru. Moskva, 1996. S. 23-43.
13. Jesalnek A. Ja. Teorija literatury = The theory of literature. Moskva, 2010. 250 s.
14. Jesalnek A. Ja. Analiz romannogo teksta = The analysis of the text of the novel. Moskva, 2004. 182 s.
15. Shneidman N. N. Soviet Literature in the 1970-S: Artistic diversity and ideological conformity. Toronto – Buffalo – London, 1979. p. 49.